



СОДЕРЖАНИЕ

Глафира Ивановна Ржевская

ПАМЯТНЫЕ ЗАПИСКИ

Вступление	8
Одиннадцатилетнее пребывание мое в Смольном монастыре	11
Об отношениях моих ко двору	35

Анна Владимировна Стерлигова

ВОСПОМИНАНИЯ

52

Елизавета Николаевна Водовозова

НА ЗАРЕ ЖИЗНИ

Дореформенный институт	136
Жизнь институток	170
Инспектриса, ее характер и значение	209
Результаты институтского воспитания и образования	252
Смольный во время реформ	269
Выход из института	323

Александра Ивановна Соколова

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СМОЛЯНКИ

329





Вера Николаевна Фигнер

ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ ТРУД

Институт	362
Протест	363
П. А. Черноусова	365
Итоги	370
Литературные влияния	373

Татьяна Григорьевна Морозова

В ИНСТИТУТЕ БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ

Я поступаю в институт	377
Молодые души	400
Институт и революция	410
Год 1919-й. Последние дни	417
Эпилог	422
Примечания	423



Глафира Ивановна Ржевская

(1759—1826)

Ржевская Глафира Ивановна (урожд. Алымова, во 2-м браке Маскле; 1759—1826) — «первая смолянка», была лучшей в первом выпуске Воспитательного общества благородных девиц при Смольном монастыре (впоследствии Смольного института). Поступила в 1764 г., выпущена с золотой медалью первой величины и золотым шифром в 1776 г. Пользовалась особой любовью и покровительством Екатерины II, фрейлиной которой стала сразу после выпуска. Считалась одной из лучших арфисток своего времени; с арфой изображена и на известном портрете кисти Д.Г. Левицкого (Русский музей).

Первым браком (с 1777 г.) была за А.А. Ржевским (1737—1804), от которого имела троих сыновей и дочь. В 1780 г. Г.Р. Державин посвятил супругам Ржевским оду «Счастливое семейство». Во втором браке Г.И. Ржевская была за И.П. Маскле. Скончалась в Москве, похоронена на Ваганьковском кладбище.

«Памятные записки» были написаны в начале XIX в. на французском языке.

Для публикации в «Русском архиве» (1871. Кн. 1. Вып. 1), использованной в настоящем издании, были переведены на русский язык правнучкой Г.И. Ржевской, дочерью известного декабриста П.Н. Свистунова — Магдалиной Петровной Свистуновой (1848— ?) и сокращены.

В примечаниях использованы комментарии П.И. Бартенева к первой публикации.





ПАМЯТНЫЕ ЗАПИСКИ

Избранные главы

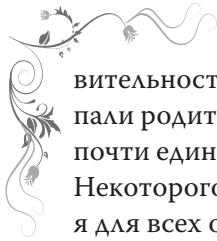
Вступление¹

Нерадостно было встречено мое появление на свет. Дитя, родившееся по смерти отца², я вступала в жизнь с зловещими предзнаменованиями ожидавшей меня несчастной участи. Огорченная мать³ не могла выносить присутствия своего бедного девятнадцатого ребенка и удалила с глаз мою колыбель, — а отцовская нежность не могла отвечать на мои первые крики. О моем рождении, грустном происшествии, запрещено было разглашать. Хорошая монахиня взяла меня под свое покровительство и была моею восприемницею. Меня крестили как бы украдкой. По прошествии года с трудом уговорили мать взглянуть на меня. Она обняла меня в присутствии родных и друзей, собравшихся для этого важного случая. День этого события был днем горести и слез. Отец благословил меня еще до моего рождения и завещал дать мне имя, которое я ношу. Это обстоятельство часто служило мне утешением среди горестного моего сиротства. Мне постоянно твердили о нерасположении ко мне матери моей. Пока я жила возле нее, я нисколько этого не замечала и не страдала от этого: напротив, хотя я была ребенок, но видела, что строгость, которой придерживались в отношении к моим братьям и сестрам, не простиралась на меня; причины этого я не понимала. Я нисколько не боялась матери, но всячески старалась ей угодить. Она меня ласкала не более других детей, но чаще улыбалась мне и всегда со слезами на глазах. Когда, семи лет, меня разлучили с нею, чтобы поместить в Смольный монастырь, я начала огорчаться всем, что приходилось мне слышать до этой поры. Чувст-



Портрет Г. И. Алымовой.
Художник Д. Г. Левицкий. 1776 г.

Глафира Ивановна Алымова, в первом браке Ржевская (1758–1826) — фрейлина Екатерины II, одна из первых арфисток. Входила в первый выпуск института 1776 года, закончила воспитание «первою» и была награждена золотой медалью первой величины и «знаком отмены» — золотым вензелем Екатерины на белой ленте с 3 золотыми полосками



вительность моя развилась при виде ласк, которыми осыпали родители моих подруг. Из пятидесяти девушек я была почти единственная, не видевшая родительской нежности. Некоторого рода обожание, предметом которого служила я для всех окружающих, не могло заменить чувства, недостававшего для моего счастья. Я имела повод сомневаться в любви моей матери. Наконец, через семь лет, дождалась я желаемого свидания с нею. В минуту доброты ее изгладилла все внешние впечатления, а доверие ее развернуло передо мной трогательную картину добродетели, борющейся с несчастием. Горе моей матери еще сильнее привязало меня к ней; я дрожала при виде страданий, исказивших ее благородные черты. Степенный вид ее внушал почтение, придавая вес ее речам, из которых почерпнула я познание священных обязанностей супругов, родителей и детей; вся жизнь ее была образцом самого совершенного исполнения правил евангельских. Ее советы глубоко укоренились в моем сердце. Смотря на нее и слушая ее, я не переставала оплакивать несчастную судьбу, которая так долго удаляла меня от нее и скоро должна была разлучить нас навеки. Я вскоре имела несчастье лишиться ее.

Чувство мое к матери, слабое вначале и как бы призрачное под конец, искусственно мной поддерживаемое, без поощрения исчезло в течение трех месяцев.

Я не знала других моих родных, у меня осталось пять братьев и семь сестер; из них всех один Д[митрий] был моим другом до конца жизни. Нежность его ко мне доходила до слабости: он только возле меня был счастлив.

Теперь бы следовало поговорить о муже и детях, на которых сосредоточились мои чувства. Но предварительно расскажу об эпохе, предшествовавшей моей свадьбе. Не повторю сказанного о влиянии на меня воспитания; по моему, оно не перерождает человека, а лишь развивает его природные склонности и дает им или хорошее, или дурное направление.

Одиннадцатилетнее пребывание мое в Смольном монастыре



Прелестные воспоминания! Счастливые времена! Приют невинности и мира! Вы были для меня источником самых чистых наслаждений. Благоговею перед вами!

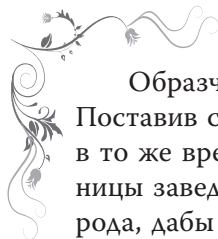
Августейшая и великодушная государыня, положившая первые основания заведения, достойного тебя, прими здесь выражение столь заслуженной тобою благодарности. Память о тебе не изгладится в самые отдаленные века!

Обширнейшее государство в мире провозглашает имя Екатерины II. История сохраняет славные события самого великого царствования, целое поколение свидетельствует о ее благодеяниях; но ее можно вполне оценить, лишь узнав, как она была ласкова к тем, кого называла своими детьми, как была доступна для них.

Сироты, бедные и богатые, имели одинаковое право пользоваться прекрасным воспитанием, основою которому служило совершенное равенство. Это была община сестер, подчиненных одним правилам. Единственным отличием служили достоинства и таланты. Скрывая всегда расстояние, отделяющее подданных от государыни, мать и покровительница заведения не могла лишь скрыть от воспитанниц великих качеств, ее отличавших. Дозволяя детям короткое обращение с собою, она никогда не роняла своего величия.

Первый выпуск, к которому я принадлежала, наиболее воспользовался всеми выгодами заведения.

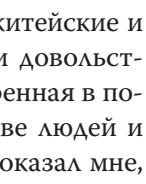
Плоды хорошего воспитания проявляются во всяком положении: я это испытала как в счастье, так и в горе. Теперь же, в преклонных летах, я с признательностию вспоминаю об этой счастливой поре моей жизни. Прожив долго в свете и при дворе, среди вражды и страстей людских, я вполне могу оценить прелесть этого мирного приюта.



Образчиком тамошнего воспитания могу служить я. Поставив себе целью перебрать все мои привязанности, я в то же время постараюсь доказать мудрость основательницы заведения. Она с намерением поместила его вне города, дабы удалить воспитанниц от сношения с светом до той поры, когда вполне развитый разум и твердо укоренившиеся в сердце нравственные начала способны будут охранить их от дурных примеров. Как многих других, природа одарила меня счастливыми наклонностями, основательным же развитием их я преимущественно и единственно обязана воспитанию. В свете ничего нет прочного; обычай берет верх над правилами. Видишь лишь обезьян и попугаев, а не встретишь самобытного характера, отличающего человека от других, как отличается он чертами лица; но, при всеобщем однообразии, резко выдаются характеры девушек, воспитанных в наших заведениях, из них каждая имеет свой личный характер. Так называемая оригинальность их, которую осмеивали многие, имела весьма хорошие стороны. Из них вышли прекрасные супруги. Им приходилось бороться против существовавших предубеждений насчет институтского воспитания, встречаемых даже в собственной семье, и против общего нерасположения. Во всех испытаниях они действовали прямо, энергично защищая свои правила. Лишь немногие из них отступили от данного им хорошего направления.

Не считаю эти рассуждения неуместными, потому что для обсуждения действий необходимо ознакомиться с обстоятельствами жизни, их вызвавшими. Впрочем, в моих воспоминаниях я не держусь никакого плана: я лишь самой себе отдаю отчет в том, что видела, чувствовала и испытала.

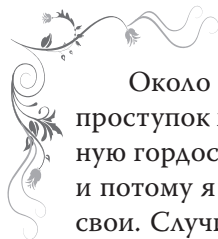
Нельзя вообразить себе более счастливого положения, чем то, в котором я находилась в течение одиннадцати лет в Смольном⁴. Счастье, которым я пользовалась, нельзя сравнить ни с богатством, ни с блестящим положением светским, ни с царскими милостями, ни с успехами в свете, которые



так дорого обходятся. Скрывая от нас горести житейские и доставляя нам невинные радости, нас приучили довольствоваться настоящим и не думать о будущем. Уверенная в покровительстве Божиим, я не ведала о могуществе людей и навеки бы в нем сомневалась, если бы опыт не доказал мне, что упование на Бога не охраняет нас от их злобы.

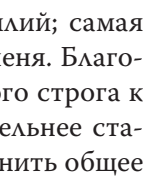
Первая наша начальница была княжна Анна Сергеевна Долгорукова⁵, титулованная дама, пожалованная портретом императрицы. Судить ее я не позволю себе, потому что была тогда слишком молода. Помню случай, лично относившийся ко мне, который обнаружил ее неспособность занимать это важное место, вследствие чего ее осыпали милостями, чтобы склонить отказаться от должности. Она кичилась богатством, знатностью рода и притом была ханжа и суеверна. Будучи остроумна, она не имела достаточно ума для того, чтобы быть выше предрассудков, которые решено было изгнать из нашего мирного приюта. Гордая повелительница, она хотела, чтобы все склонялось пред нею, и не продержалась на своем месте более восьми месяцев.

Княжна присутствовала при молитвах воспитанниц. Однажды во время вечерней молитвы кто-то вошел в комнату, и мы все обернулись. Каково же было мое удивление, когда в этой общей вине одна я признана была виноватою: меня поставили на колени и сделали мне строгий выговор. Я очень была огорчена своим проступком; мне не приходило в голову разбирать, виновны ли были и другие; я плакала целые сутки и даже на другой день, когда стало известно, что наказание мое было лишь предлогом, чтобы сделать неприятности г-же Л[афон]⁶ и г-ну Б[ецкому]⁷, начальница нисколько не скрыла этого, прямо сказав мне, что наказала их любимицу, и потом, чтобы вознаградить меня, начала нежно ласкать. Правда, что я была общею любимицею в заведении и осталась ею до конца; но в ту пору я была восьмилетним ребенком, не имевшим ни родных, ни протекции, и лишь хорошим поведением старалась заслужить общее расположение.



Около этой же поры я действительно провинилась, и проступок мой был такого рода, что обличал необыкновенную гордость и упрямство; но он же послужил мне уроком, и потому я стала недоверчиво смотреть на самые качества свои. Случилось это вследствие наказания, которому подвергся весь класс, исключая пять или шесть учениц, в числе которых была и я. Их поставили на колени во время обедни, а после службы простили и всем позволили играть по обыкновению. Сама не знаю почему, я имела превосходство над подругами; они всегда собирались вокруг меня, во всем спрашивали моего совета и спорили из-за дружбы со мной. Надо заметить, что в это время все мы были одногодки, от 8 до 9 лет. На этот раз я вздумала сторожиться (то есть остерегаться, беречься. — *Прим. ред.*) ото всех, которые были под наказанием, и вместе с остальными держалась в стороне, не позволяя виновным подходить к нам. Одна из них, от которой я в особенности сторожилась, обиженная оскорбительными словами, сказанными ей с презрением, пожаловалась гувернантке. Этой выходки я не ожидала, так как я привыкла, чтобы подчинялись моему приговору. В этом же случае я уверена была, что поступила вполне с достоинством. Когда мне доказали громадность моего проступка, он мне показался до того отвратительным, что от стыда я не хотела в нем признаться. Свидетельство и улика еще более смутили меня; сознавая свою вину и каюсь в ней внутренне я не решилась сознаться во лжи при подругах, которые меня считали своим оракулом. Но, преследуемая угрызениями совести и страхом прогневать Бога, в горести, я на коленях умоляла Его о помощи, обещая вперед не впадать в эту вину, лишь бы Он дал мне выпутаться из беды на этот раз. Но мне не уступали; я продолжала отпираться, и меня строго наказали.

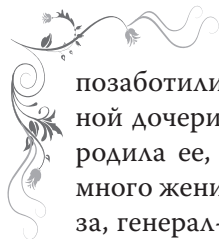
Это обстоятельство сделало на меня сильное впечатление. Образцовым поведением старалась я загладить случившееся. Старания мои увенчались таким успехом, что впоследствии ко мне стали требовательнее, чем к кому-



либо. Я начала сомневаться в успехе своих усилий; самая большая похвала могла лишь разочаровывать меня. Благодаря стараниям и размышлениям, я стала до того строга к себе, что чем более меня отличали, тем старательнее становилась я, желая усовершенствоваться и сохранить общее расположение.

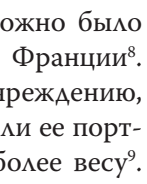
Между нами царило согласие: общий приговор полагал конец малейшим ссорам. Обоюдное уважение мы ценили более милостей начальниц, никогда не прибегали к заступничеству старших, не жаловались друг на друга, не клеветали, не сплетничали, потому не было и раздоров между нами. В числе нас были некоторые, отличавшиеся такими качествами, что их слова служили законом для других. Вообще большею частью были девушки благодетельные и очень мало дурных, и то считались они таковыми вследствие лени, непослушания или упрямства. О пороках же мы и понятия не имели.

Г-жа Лафон (Lafond), с редким умом управлявшая заведением в течение 30 лет, утвердила на прочных основах принятую систему воспитания. Она всецело предалась делу. С дальновидностью наблюдавшая за общим порядком, она выказывала большую деятельность в частных распоряжениях. С свойственною ей предусмотрительностью она предупреждала злоупотребления. Твердо и бдительно следя за тем, чтобы все лица, которые должны были содействовать успеху ее предприятия, добросовестно исполняли свои обязанности, она как бы воспитывала их прежде, нежели удостоить своим доверием. Ту же заботливость выказывала она при выборе прислуги, что так важно в заведении, где чистота нравов почитается залогом всех добродетелей. Г-жа Лафон принадлежала к доброму семейству, которое вследствие религиозных раздоров принуждено было покинуть Францию и искать убежища в России. Поселившись в Петербурге, родители ее продолжали свою торговлю вином и открыли первую в городе гостиницу, которую стали посещать знатные особы. Нажив состояние, они



позаботились дать хорошее образование своей единственной дочери, которая родилась у них на старости лет; мать родила ее, будучи 50 лет. Красивая и богатая, она имела много женихов и в пятнадцать лет вышла замуж за француза, генерал-майора в русской службе. Она была несчастлива в замужестве, все свое состояние и спокойствие принесла в жертву мужу, который под конец совершенно сошел с ума и угрожал не раз убить ее и двух дочерей. Растратив женино состояние, он требовал в припадке сумасшествия, чтобы она и дети приняли католическую веру, к которой сам он не принадлежал, но считал это необходимым для получения наследства от своих родителей, находившихся во Франции. Он непременно хотел вернуться на родину; жена возила его за границу на воды, истратив на лечение его последние средства. Ничто не помогло; он умер, и г-жа Лафон с двумя детьми осталась в крайней нужде, без помощи, на чужой стороне. Она желала вернуться в Россию, чтобы собрать деньги, данные ее отцом в займы нескольким лицам, и обратилась за помощью к нашему посланнику в Париже. Тут-то познакомился с нею г-н Бецкий и стал рассчитывать на нее как на особу, способную исполнить задуманный им план.

Возвратясь в Россию, г-жа Лафон продолжала видеться со своими прежними друзьями и знакомыми, находилась в лучшем обществе, всеми была любима и уважаема. В особенности привязался к ней г-н Бецкий; он ценил общество этой женщины, извлекавшей столько пользы из своих несчастий, притом умной, веселой и заслужившей общее уважение своим примерным поведением. Познания ее были нужны для его любимого предмета; он часто советовался с ней, так что она уже вполне была подготовлена, когда ей поручено было заведение, и ей оставалось лишь привести в исполнение глубоко обдуманнный план. На ее долю пал весь труд. Сначала, находясь при заведении в качестве директрисы, она на каждом шагу встречала противодействие главной начальницы; заменив ее, она ввела надлежащий порядок. Под



ее рукою заведение вполне процветало. Ему можно было уподобить лишь Сен-Сирское учреждение во Франции⁸. Чтобы внушить более доверия к этому новому учреждению, во главе его поставили знатную особу, пожаловали ее портретом императрицы, с целью придать ей еще более весу⁹. Но выбор этот удовлетворил лишь тех, которые прельщаются внешностью, не заботясь о сущности дела. Люди же разумные, принимавшие к сердцу общественную пользу учреждения, ясно видели превосходство г-жи Лафон и считали знатность рода излишнею. Вполне достойная вознаграждений за свои услуги, г-жа Лафон лишь незадолго до смерти своей получила портрет вместе с орденом Св. Екатерины. Умерла она в бедности, ровно ничего не оставив своей дочери. Общее уважение к ее личным достоинствам вознаграждало ее за недостаток отличий, которых старались ее лишать с помощью интриг. Прежде, нежели сказать, как дорога она была для меня лично, я должна была высказать, как ценима она была вообще. Она была предметом моей первой привязанности. Никто впоследствии не мог мне заменить ее: она служила мне матерью, руководительницею, другом и была покровительницею и благодетельницею моею. Я вполне поняла это, будучи в таких летах, когда могла отдать себе отчет в различных чувствах моих к ней. Любить, почитать и уважать ее было для меня необходимостью. Мое чувство в ту пору походило на сильную страсть: я бы отказалась от пищи ради ее ласк. Однажды я решилась притвориться, будто я не в духе, рассердить ее, чтобы потом получить ее прощение: она так трогательно умела прощать, возвращая свое расположение виновным. Это заметила я в ее отношениях к другим и пожелала испытать всю прелесть примирения. Видя ее удивленною и огорченною моим поведением, я откровенно призналась ей в своей хитрости. С свойственною ей кротостию она советовала мне умерять мою излишнюю чувствительность, которая будет возмущать мое спокойствие, если я ей предамся без меры. Она говорила, что предпочитает меня другим, но не должна этого выказы-